

КОЛЬРИДЖ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

А. Королев

Сэмюэль Тэйлор Кольридж по праву считается одним из величайших английских поэтов и литературных критиков. Именно в этом качестве он и известен в России. Однако в его творческом наследии работ на политические, философские и богословские темы гораздо больше, чем стихов. Не случайно британский исследователь Р. Уайт назвал Кольриджа «великим христианским философом и провидцем»¹. Кольридж известен также как выдающийся политический мыслитель, оказавший влияние на развитие общественной мысли Англии своего времени.

Российскими историками политические взгляды Кольриджа практически не изучены. На западе же идеям этого мыслителя, которого считают продолжателем Э. Бёрка и одним из основоположников современного консерватизма, посвящена не одна монография². Однако среди множества работ о Кольридже, рассматривающих его идеи в этом ключе, до сих пор нет специальных исследований, посвященных его восприятию величайшего события того времени — революции во Франции. А между тем деятельность Кольриджа как политического мыслителя начинается именно с его обращения к теме Французской революции. Цель данной статьи — пролить дополнительный свет на эту, пока еще недостаточно освещенную страницу его творчества.

Алексей Владимирович Королев — аспирант кафедры новой, новейшей истории и истории международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского.

¹ *White R.J. Political thought of Samuel Taylor Coleridge. L., 1938. P.11.*

² Подробнее см.: *Корнопелева Н.В. Сэмюэль Тэйлор Кольридж в историографии XX века // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001.*

Уже в 1789 г. еще совсем юный (ему тогда было всего семнадцать лет) Кольридж пишет стихотворение «Взятие Бастилии», в котором не только приветствует революцию как несомненное торжество свободы, но и призывает все страны мира последовать примеру Франции («...Чтобы у разных стран, по всем меридианам, Была одна душа, враждебная тиранам!»)³.

Заметим, что английская интеллектуальная элита в целом восприняла июльские новости из Парижа весьма благосклонно. Негодовали только наиболее радикальные тори. Виги же поддерживали первые шаги революционного правительства в надежде, что Франция пойдет по английскому пути. Известный философ Бентам предложил новому французскому правительству свои услуги в качестве консультанта, а вышедшие в 1790 г. «Размышления о революции во Франции» Э. Бёрка, содержащие резкую критику французских революционеров, были встречены весьма холодно⁴.

Так что восторги юной поэтической природы относительно Французской революции были делом в общем-то обычным. И все же «Взятие Бастилии» получило известность, а сам Кольридж был исключен из Кембриджа за республиканские взгляды. Так, молодой поэт приобрел репутацию вольнодумца, демократа и якобинца.

Ужасы якобинского террора охладили восторги Кольриджа, как, впрочем, и большинства его соотечественников. Уже в 1794 г. он уже явно тяготился своей радикальной политической репутацией. В письме брату Джорджу от 4 ноября 1794 г. 22-летний Сэмюэль Кольридж сетует, что слишком часто ошибки и заблуждения молодости принимаются за последствия твердых принципов и жалуется, что окружающие ошибочно считают его демократом, хотя он таковым не является⁵. Однако ярлык «якобинца» настолько крепко прилип к поэту, что ему приходилось отрешиваться от него и позднее, как минимум до 1802 г⁶.

В западной историографии «якобинский период» Кольриджа оценивается по-разному. Особенно запутывает вопрос то обстоятельство, что разные авторы по-разному понимают само его «якобинство». Ф. Браун считает, что Кольридж никогда на самом деле не разделял

³ http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_2.htm. («...Till every land from pole to pole Shall boast one independent soul!» — Coleridge's poems. Oxford, 1912. Vol.1. P.10–11.)

⁴ *Айзенштат М.П.* Великобритания нового времени: политическая история. М., 2002. С.52–54.

⁵ The letters of Samuel Taylor Coleridge. L., 1895. Vol.1. P.104–105.

⁶ *Coleridge S.T.* Essays on his own times. L., 1850. Vol.2. P.551–552; The letters of Samuel Taylor Coleridge. L., 1895. Vol.1. P.239–245.

якобинских идей в их французском понимании и вообще быстро отошел от юношеского увлечения революцией⁷. А. Коббен же полагает, что Кольриджа в революции, бесспорно, привлекали идеи свободы и нравственного обновления общества. Причем это увлечение не прошло без следа, оказало влияние на последующую идейную эволюцию мыслителя и стало частью его политического учения, которое Коббен называет «либеральным консерватизмом»⁸. Г. Билей понимает под «якобинством» поэта приверженность идее о том, что личность человека определяется внешними обстоятельствами, в том числе социальной средой и характером государственного строя⁹.

Эту идею юный Кольридж почерпнул из сочинений философов-просветителей. Наибольшее влияние на него в конце 1780-х — начале 1790-х гг. оказали английские философы Локк, Хартли и Пристли. Он был знаком и с работами французских просветителей (например, хвалил Вольтера и Гельвеция¹⁰), но источником всех своих ранних воззрений неизменно называл именно английских философов.

Однако, разочаровавшись во Французской революции, Кольридж далеко не сразу отверг философию, которая, как считали многие его современники, эту революцию подготовила. Еще несколько лет он строил все свои политические рассуждения на основе идей философии Просвещения. В 1794 г. Кольридж попытался примирить свою убежденность в ее правоте¹¹ со своим неприятием насилия, захлестнувшего Францию в годы якобинской диктатуры.

Вместе со своим другом Р. Саути он разработал идею «пантисократии», которую сам Кольридж определял как неизбежное превращение людей в праведников в результате устранения всех возможных мотивов и искушений, толкающих их на путь зла¹². В письме брату (ноябрь 1794 г.) Кольридж указывал, что эта идея пришла к нему в результате изучения трудов английских философов-просветителей Локка и Харт-

⁷ *Brown Ph.* The French Revolution in English History. N.Y., 1965.

⁸ *Cobban A.* Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century: A study of the political and social thinking of Wordsworth, Coleridge and Southey. L., 1929.

⁹ *Beeley H.* The political thought of Coleridge // Coleridge's studies by several hands on the hundredth anniversary of his death. L., 1934.

¹⁰ The letters of Samuel Taylor Coleridge. L., 1895. Vol.1. P.104–105, 68–69.

¹¹ Упомянутая выше похвала Вольтеру и Гельвецию сделана им в письме от 30 марта 1794 г.

¹² The letters of Samuel Taylor Coleridge. L., 1895. Vol.1. P.72–74.

ли, а также прочих мыслителей, писавших о природе человека¹³. Большинство исследователей полагает, что эта идея возникла у Кольриджа и Саути под влиянием учения У. Годвина¹⁴. Однако автору данной статьи так и не удалось обнаружить ни в одном произведении Кольриджа упоминания Годвина. Возможно, впрочем, что тот оставался среди не названных по имени «прочих мыслителей».

В основе «пантисократии» лежит все та же фундаментальная идея: чтобы изменить человека нужно изменить внешние условия. Так же думали и французские якобинцы, но в отличие от них Кольридж не признает насильственных методов. Он создает свою альтернативу якобинскому террору, все еще оставаясь в рамках философии Просвещения.

Главный источник насилия Кольридж видит в государстве. Поэтому в пантисократии нет места государственной власти. Видимо, уже тогда он приходит к идее, которую мы можем найти в его более поздних сочинениях: «правители одинаковы во все времена и при всех формах правления», изменяя которые, народ всего лишь сажает себе на шею новых деспотов¹⁵. Однако уничтожение всякого государства — это тоже изменение внешних по отношению к человеку условий.

Разочаровавшись в идее пантисократии (вернее, разуверившись в возможности ее осуществления на практике), Кольридж разочаровывается и в философии Просвещения. Он начинает искать новый философский метод постижения действительности. Осенью 1798 г. Кольридж вместе со своим другом Вордсвортом посещает Германию, где тщательно изучает идеалистическую философию Канта. С этого момента он считает себя убежденным сторонником немецкого трансцендентализма. Собственно говоря, Кольридж никогда не был материалистом. Его идеализм естественно проистекал из его глубочайшей веры в Бога.

В том же 1798 г. появляется его стихотворение «Франция: Ода»¹⁶, в котором Кольридж показывает эволюцию своего отношения к Французской революции: вначале восторги по поводу кажущегося торжества Свободы, потом сомнения, вызванные якобинским террором,

¹³ Ibid. P.104–105.

¹⁴ Взгляды Кольриджа и Саути этого периода с учением Годвина роднит негативное отношение к государственной власти и неприятие насилия. Подробнее об учении Годвина см.: Чудинов А. В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. М., 1990; *Он же*. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996.

¹⁵ The letters of Samuel Taylor Coleridge. L., 1895. Vol.1. P.239.

¹⁶ Coleridge's poems. Oxford, 1912. Vol.1. P.246–247.

и в конце — полное разочарование в революционной Франции после ее нападения на республиканскую Швейцарию. Распространение идеалов свободы «по всем меридианам» на деле вылилось в убийство швейцарских патриотов и установление нового деспотизма¹⁷.

Вооружившись идеалистическим методом, суть которого он видел в понимании всего сущего как более или менее удачного проявления той или иной идеи, Кольридж приступает к подробному анализу и не менее подробной критике Французской революции. К этой теме он будет неоднократно возвращаться в различных своих сочинениях вплоть до самой смерти. В основе его анализа лежит представление о том, что все величайшие общественные потрясения происходят в результате возникновения новых и упадка старых философских систем: общественное бытие во многом определяется сознанием мыслителя-затворника¹⁸.

Точно так же и Французская революция обязана своим возникновением деятельности философов-просветителей, философию которых Кольридж теперь уже считает ошибочной, более того, вредной. Расцвет этой философии (Кольридж называет ее «механической»), попытка заменить своими умозрительными построениями традиции, складывавшиеся веками, — вот причина всех бед нынешней Европы, считает Кольридж. Человека нельзя изменить, изменив форму правления. Более того, каждый народ уже имеет то правительство, которое заслуживает, а любые революции вредны по определению¹⁹. Здесь Кольридж близок к Бёрку, которого в эти годы (первое десятилетие XIX в.) почитает гением и, более того, пророком²⁰.

Конкретные претензии Кольриджа к философии Просвещения можно перечислять очень долго. Одна из главных ее черт — замена естественными правами человека традиционных обязанностей и привилегий, что, по его мнению, и составило суть якобинства. Под якобинством Кольридж понимает не столько конкретный режим, установленный во Франции в ходе революции, сколько явление, возникающее периодически на протяжении всей истории человечества²¹.

¹⁷ Весной 1798 г. французская армия оккупировала Швейцарию. Швейцарская конфедерация была ликвидирована, а на ее месте появилась полностью зависимая от Франции Гельветическая республика.

¹⁸ Coleridge S.T. Lay sermons. L., 1852. P.15–16.

¹⁹ Coleridge S.T. Lay sermons. L., 1852. P.81–82, 88–89; Coleridge S.T. On the constitution of the church and state, according to the idea of each. L., 1830. P.79–81.

²⁰ Coleridge S.T. Biographia literaria. L., 1817. P.97.

²¹ Coleridge S.T. Essays on his own times. L., 1850. Vol.2. P.542–552.

Его характеристика этого явления неизменно отрицательна. Якобинец, пишет Кольридж, это тот, кто пытается создать правительство, основанное на уважении естественных прав личности. Под одним из этих прав якобинец понимает всеобщее избирательное право и не признает никакого правительства, кроме выбранного всем народом. Якобинец ставит превыше всего волю народа, и считает, что любое средство, включая самое грубое насилие, подходит для того, чтобы навязать эту волю всем и каждому. Тот же, кто отдает предпочтение общественным правам, таким как наследственный ранг и собственность, является анти-якобинцем. При этом анти-якобинец может быть убежденным республиканцем или даже демократом: так республиканец Брут в свое время убил якобинца Цезаря. Принадлежность политика к числу якобинцев определяется, прежде всего, той «идеей», которую он стремится заложить в основание государственного устройства²².

Кольридж в отличие от якобинцев убежден, что власть должна принадлежать не всему народу, а лишь собственникам. Всеобщее избирательное право он считает неприемлемым, так как боится, что оно неизбежно приведет к всеобщему переделу собственности и, таким образом, к ломке веками сложившегося государственного устройства, созданного нацией и наиболее соответствующего характеру этой нации²³.

Кольридж утверждает, что якобинская схема может работать только в условиях, когда каждый думает о благе всех, а все о благе каждого и, как следствие, не встает проблема недовольного меньшинства. Такие условия он считает невозможными в принципе, в силу несовершенства человеческой природы. Соответственно, раз якобинский идеал недостижим, на практике он подменяется худшей из всех диктатур, сохраняющей единство общества и государства при помощи жесточайшего террора против меньшинства²⁴. Как глубоко верующему человеку, Кольриджу претила также и политика якобинцев в сфере религии²⁵.

Неприязнь Кольриджа к идее якобинства и ко всем возможным ее проявлениям предопределила и его отношение к правлению Наполеона. Это отношение двойственно. С одной стороны, Кольридж справедливо считает, что после 18 брюмера во Франции утвердилась военная диктатура, опирающаяся на штыки армии и не оставившая никакой

²² Ibid. P.542–552.

²³ Coleridge S.T. *The friend*. L., 1863. P.127.

²⁴ Coleridge S.T. *Essays on his own times*. Vol.3. P.692–694; Coleridge S.T. *Table talk and omniana*. Oxford, 1917. P.227–228.

²⁵ Coleridge S.T. *On the constitution of the church and state...* P.79–81.

реальной власти народу, — диктатура, во главе которой стоит человек, лишенный моральных принципов и вообще самому Кольриджу крайне неприятный. С другой стороны, Кольридж сразу после прихода Наполеона к власти выразил свое удовлетворение тем обстоятельством, что установление этой диктатуры устраняет всякую опасность со стороны если не Франции, то «французских» (т. е. «якобинских») принципов. Из двух зол победило меньшее: Наполеон — «действительно деспот, но не тиран», отсутствие политической свободы при его режиме компенсируется стабильностью и неприкосновенностью частной собственности. Кольридж видит, что Наполеон пришел к власти не столько благодаря личным качествам, сколько благодаря поддержке со стороны собственников, желавших завершения революции. Таким образом, при Наполеоне был восстановлен принцип, по которому власть связана с собственностью, и, следовательно, исчезла опасность якобинства, исходившая до того от Франции²⁶.

Да, Франция при Бонапарте все еще агрессивна и опасна, но она, по Кольриджу, уже не революционна. Дальнейшее развитие событий зависит в основном от Наполеона, который может избрать любой из путей, в том числе и мирный. Все, что должна делать в этой ситуации Британия — это не провоцировать французского диктатора. В 1800 г. Кольридж считал, что война с Францией Британии невыгодна и, раз уж смертельная опасность со стороны якобинской Франции исчезла, то и необязательна. В том, что война все-таки началась, Кольридж винит как Наполеона, так и британское правительство²⁷.

Однако в дальнейшем он поддерживает военные действия английских войск против Наполеона, поскольку считает необходимым освободить от власти Бонапарта не только завоеванные им страны, но и самих французов. В 1809 г. Кольридж называет императора Франции деспотом, чудовищем и врагом человеческой расы²⁸.

Вообще Кольридж уделяет якобинству значительно больше внимания, чем Французской революции как таковой. Ведь якобинство — это «идея», а революционные события — всего лишь одно из ее «воплощений». Сама революция (как и любое другое историческое событие) важна для Кольриджа постольку, поскольку из нее можно извлечь урок.

²⁶ Coleridge S.T. *Essays*. Vol.3. P.345, 347–348; Vol.2. P.313–319, 406–408. Все эти замечания относятся к 1799–1800 гг.

²⁷ *Ibid.* Vol.1. P.200–204, 221–223, 271–274.

²⁸ *Ibid.* P.594, 647–648, 657–658.

В чем же видел Кольридж главный урок революции во Франции? Коль скоро якобинство для Кольриджа — несомненное зло, то главный урок революции, по его мнению, состоит в тех ошибках противников якобинства, которые и сделали возможным установление якобинской диктатуры. Кольридж попытался проанализировать эти ошибки с тем, чтобы не допустить их повторения в будущем.

Главная ошибка защитников Старого порядка во Франции, считает Кольридж, в том, что они попытались «играть в ту же игру», что и якобинцы. Если якобинец жертвует существующим порядком вещей ради абстракции под названием «права человека» и устанавливает новый порядок, не стесняясь в выборе средств, то его противник защищает Старый порядок, ссылаясь на «права суверена», не менее абстрактные, чем «права человека». Частная собственность и наследственные привилегии для Кольриджа — столпы, на которых держится хорошо устроенное общество. Но он считает их следствием случая или же изобретением человеческого разума. Противники же якобинцев во Франции полагали, что это — результат Божественной воли, которую нельзя критиковать и которой нельзя противиться. Они закрывали глаза на все недостатки Старого порядка: страдания угнетенных масс и преступления их угнетателей. Эта позиция аристократической партии в итоге сыграла на руку ее смертельным врагам. Кольридж убежден, что самым лучшим и честным способом защиты Старого порядка было бы признание всех его недостатков с последующим доказательством того, что эти недостатки совершенно неизбежны. Если же эти недостатки в принципе устранимы, надо было ясно показать, что предлагаемые революционерами лекарства еще хуже, чем сама болезнь. Аристократическая же партия предпочла говорить не о реальности, а об абстракциях, приняв тем самым якобинские правила игры²⁹.

Подведем итог. Более или менее подробная характеристика, взвешенный анализ революционных событий, и прежде всего якобинства, даются Кольриджем только в работах, написанных после 1798 г. и с позиций идеалистического метода. Его же непосредственная реакция на Французскую революцию носит почти исключительно эмоциональный характер. Это связано, по-видимому, с тем, что Кольридж был современником революции и просто не мог дать (как и любой другой человек) законченной интерпретации революционных событий до их завершения. Не следует забывать и о том, что в 1789 г. Кольриджу было всего 17 лет, и его мировоззрение еще до конца не сформировалась.

²⁹ Coleridge S. T. The Friend. P.134–138, 143.

По мере того, как развивалась революция, эволюционировали и отношение к ней английского мыслителя, и его политические и философские пристрастия. Негативно оценив якобинство, Кольридж сделал следующий шаг, отринув «механическую» философию, породившую революцию со всеми ее ужасами и, следовательно, переставшую соответствовать его собственным убеждениям. При этом не было никакого надлома. Переход от философии Просвещения к философии Канта был результатом естественной эволюции мыслителя, обусловленной во многом его христианским мировоззрением.